

Сы Ханьцзюэ фыркнул.

— Сахар же виноват. — Тан Сяотан изо всех сил задрал голову, с чувством глядя на внезапно впавшего в гордыню хозяина, засеменя ножками и побежал к Сы Ханьцзюэ.

— Обними-и!

Сы Ханьцзюэ холодным взглядом смотрел в окно, слегка наклонился, безучастно протянул одну руку. Тан Сяотан, ухватившись за его палец, забрался наверх, долез до груди, просунул свою большую голову вниз, несколько мгновений поболтал ножками, наконец развернулся и устроился поудобнее в кармане.

— Хозяин, одежда, одежда... — прошептал Тан Сяотан. — Одежда же не надета-а!

Трусики еще лежат на рабочем столе.

Сахар же все еще голенький!

Сы Ханьцзюэ, еще не остывший от гнева, с безучастным лицом, тем не менее послушно повернулся, чтобы взять маленькую одежду, без эмоций сунул ее в карман и терпеливо ждал, пока тот оденется.

Тан Сяотан свернулся калачиком в кармане хозяина, с шорохом надел трусики, извиваясь и шевелясь, будто там притаилось беспокойное маленькое животное.

Задрезжал колокольчик. Хозяйка магазина, потягивая молочный чай с жемчугом и неся несколько покупок, вернулась. Увидев разбросанные повсюду конфеты и стоящего посреди них Сы Ханьцзюэ, она замерла, одна жемчужина застряла в соломинке, не поднимаясь и не опускаясь.

Их взгляды встретились. Сы Ханьцзюэ, делая вид, что ничего не произошло, поднял руку и прижал ее к груди.

Тан Сяотан как раз боролся с запутавшимися на ножке трусиками, когда на него мягко надавила сила, и он прижался личиком к груди Сы Ханьцзюэ, не смея пошевелиться.

— Ни... ничего... — девушка сглотнула последний глоток чая и нервно сказала:

— Я сама все приберу.

— Расходы за работу отправь в компанию. — Сы Ханьцзюэ произнес это ровным тоном и кивнул.

Девушка поспешно посторонилась у двери. Мужчина широким шагом вышел и быстро исчез за углом.

Слюрп...

Она с шумом втянула застрявшую жемчужину, разжевывая ее, и пробормотала про себя:

— Так активно?..

...

— Чуть не обнаружили, — Тан Сяотан вздохнул с облегчением. — Хорошо, что хозяин умный!

Сы Ханьцзюэ...

— Хозяин, хозяин, а что, если бы сахар обнаружили? Его бы съели? — Надев трусики, Тан Сяотан улегся на край кармана, выпученными глазками наблюдая за внешним миром. Все, что попадалось на глаза, покачивалось в такт шагам Сы Ханьцзюэ. Хозяин не отвечал, и Тан Сяотан начал бормотать сам себе:

— А ведь когда хозяин впервые увидел сахар, почему не съел его?

— Почему хозяин не съел сахар?

— Хозяин, наверное, был очарован сахаром?

— Если хозяин молчит, значит, согласен?

— Но хозяин же лизал сахар, хм, хозяин хотел съесть сахар, но сахар очень неприхотливый, сахар совсем не капризный!

За этот короткий путь Тан Сяотан без умолку болтал, не умолкая ни на секунду.

Сы Ханьцзюэ разболелась голова от шума, он потер переносицу.

— Сяотан.

Тан Сяотан замолк.

— Сахар здесь!

Сы Ханьцзюэ глубоко вздохнул.

— Я уже не сержусь?

— Пока еще нет, но скоро перестанешь.

Сы Ханьцзюэ приподнял бровь.

— Так уверен?

— Хе-хе, — Тан Сяотан, увидев, что вокруг никто не обращает на них внимания, с улыбкой приподнялся на цыпочки, вытянул маленькую ручку и почесал идеально очерченный подбородок Сы Ханьцзюэ. — Потому что хозяин больше всего любит сахар! Сахар же признал свою вину, хозяин не сможет не перестать сердиться!

Уверенный и убежденный. Сы Ханьцзюэ с удивлением спросил:

— На каком основании?

Его маленькая конфетка еще не получила урока, как он может так легко перестать сердиться.

Однако Тан Сяотан сладко сказал:

— Потому что, хотя сахар тоже очень любит хозяина, но именно сахар — тот, кого балуют. Хозяин, ты слышал: у того, кого балуют, нет страха.

Как хозяин посмеет сердиться на сахар.

Тан Сяотан хихикнул про себя: хозяин же так его любит.

— Это тоже Цзян Юй тебя научил?

— Ноу-ноу-ноу, — поскольку пальцев у него не было, Тан Сяотан мог только поднять одну маленькую ручку и покачать ею, радостно сказав:

— Это все сахар самоучкой освоил!

Он посмотрел одну-две дорамы про жестоких боссов и уже хорошо усвоил все трогательные и душеспасительные реплики и приемы.

Его хозяин просто гордец, как он посмеет по-настоящему на него разозлиться.

Сы Ханьцзюэ молчал. Тан Сяотан заискивающе потерся о его грудь.

— Не сердись, сахар знает, что виноват, правда.

— Держи сахар, последняя штучка-а!

Из конфеток, спрятанных в трусиках, осталось только две. Одну он использовал, чтобы сделать повязку на глаза, и осталась лишь одна идеальной формы красная мармеладка.

Уголок губ Сы Ханьцзюэ слегка дрогнул, но он и не думал принимать мармеладку.

Тан Сяотан протянул мармеладку дальше.

— Хозяин, съешь! Съешь сахар, и я напишу тебе пятьсот... нет, сто слов объяснительной!

Сахар помнил сцену из одной дорамы: героиня рассердила героя, всю ночь писала объяснительную на пять тысяч и только потом помирилась со злопамятным и гордым героем!

— Сто слов? — Сы Ханьцзюэ усмехнулся. — Ты сам сказал. Завтра утром я хочу это видеть.

Идея была прекрасна.

Сы Ханьцзюэ взял мармеладку, положил в рот, и она растворилась, наполнив сердце густой сладостью.

...Маленькая конфетка, которая лебезит, капризничает и изо всех сил старается его развеселить.

Ему стало любопытно: какая же часть Тан Тана воплотилась в таком маленьком сахаре.

Тан Сяотан совершенно не помнил, кто он такой. Он лишь знал, что, когда очнулся, его зовут Тан Сяотан, инстинктивно чувствовал близость к нему, защищал его, заботился о нем, утешал каждый его кошмар, охранял каждую ночь, кишашую демонами.

Инстинкт?

Сердце Сы Ханьцзюэ слегка сжалось. Когда Тан Тан был в сознании, тот улыбчивый ребенок в глубине души тоже жаждал так его защищать?

Он мало общался с Тан Таном. После того совместного ужина они почти не виделись. В основном Тан Тан сам писал ему письма и сообщения, рассказывая, что происходит в школе, какие награды получает, с кем подружился и так далее.

Сокровенная, сияющая радость, которой он хотел поделиться с господином Сы, в глазах Сы Ханьцзюэ выливалась всего в одно равнодушное «неплохо».

Тан Тан был выдающимся, он всегда это знал.

Просто в то время он не видел, сколько лавообразной, обжигающей тоски и любви скрывалось под всеми этими стараниями.

До тех пор, пока Тан Тан не превратился в мармеладного мишку.

Его маленькая конфетка была чистой и непосредственной. Он делился спрятанными конфетками с тем, кто ему нравился, смело и прямо выражал доброту, открыто капризничал и выпрашивал прощение. Даже то, что взрослым стыдно выражать — любовь и привязанность, — он проявлял беззаботно и свободно.

Если бы не мармеладный мишка, он, наверное, никогда не произнес бы таких слов, как «будем вместе, не растрачивая дар небес».

Сы Ханьцзюэ усмехнулся над собой.

...

Когда рабочий день подошел к концу, они поехали домой на машине.

В салоне витал сладкий аромат. Тан Сяотан сидел на своей маленькой подушечке, болтая ножками, и слушал вместе с Сы Ханьцзюэ вечерние новости.

Пресс-конференция корпорации «Сы» прошла успешно, СМИ активно распространяли несколько модельных фото, которые стали вирусными, акции непрерывно росли, рост был обнадеживающим. С другой стороны, в компании Сы Чэна всплыли скандалы с плагиатом и внутренними раздорами среди дизайнеров. Партия новинок, выпущенная раньше, чем у Сы Ханьцзюэ, из-за проблем с качеством подверглась травле в сети, и регулирующие органы начали расследование...

Сы Ханьцзюэ поднял руку и выключил радио, холодно усмехнувшись.

Аура вокруг него стала тяжелой, леденящей.

Он смотрел на поток машин перед ним, похожий на огненную реку. Его ресницы опустились, под глазами легла легкая, как крылья бабочки, тень. Глаза были темными, спокойными, как бездонный холодный пруд.

Все душераздирающие козни и отчаяние юности превратились в глыбу льда на дне его сердца, которая, возможно, никогда не растает.

Слушая эти новости, Сы Ханьцзюэ ощущал странное, сильное чувство удовлетворения.

Этого мало.

Им предстоит заплатить еще больше.

Сы Ханьцзюэ тяжело вздохнул, опустил взгляд и встретился с осторожным взглядом Тан Сяотана.

— На что смотришь? — Голос Сы Ханьцзюэ был ровным, но он протянул руку и нежно погладил голову мармеладного мишки.

Тан Сяотан прищурился, словно кошка, которой почесывают за ухом, и с удовольствием потерся о палец хозяина.

Сы Ханьцзюэ вдруг что-то вспомнил и усмехнулся с презрением.

— Что, хочешь уговорить меня помириться с ними?

Слишком много людей пытались его в этом уговорить.

Те люди, стоя на вершине морального превосходства, уговаривали его помириться с отцом и старшим братом, уговаривали забрать из-за границы мать, оставшуюся за рубежом, и проявить сыновнюю почтительность...

Но то небольшое доброе, что оставалось в его сердце по отношению к той семье, окончательно иссякло после смерти единственной любившей его бабушки.

У смертного одра старушка оставила последнее желание — быть похороненной в родовой усыпальнице, в одной могиле со своим безвременно ушедшим мужем.

Они полюбили друг друга в юности. Он — молодой господин из богатой семьи, она — вернувшаяся из-за границы дочь благородной семьи. Увидев друг друга впервые, они почувствовали сердечный трепет, отдали свои сердца и полюбили.

<http://bllate.org/book/15589/1395458>